

The background of the entire page is a repeating pattern of stylized red roses. Each rose is rendered in a vibrant red color with white outlines, set against a white background. The roses are attached to black, curving branches that also feature small, simple black leaves. The pattern is dense and covers the entire surface.

Андрей Мир

Гортензия

Андрей Мир

Гортензия

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Мир А.

Гортензия / А. Мир — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Рассказ о природной красоте

[Посвящается Sunny]

Испокон веков дамам сердца что-нибудь, да, посвящали: серенады, оды, стихи. "Сыны кого-то" так часто занимались подобным и так редко задумывались над тем, что любой единственной музе могут наскучить извечные трели про небесно-подобные очи, бархат кожи и сахарные уста, – что в конце концов всё это превращалось в привычку, а любая привычка смерти подобна. Вы только представьте, как красавице кареглазке вот уже в сотый раз не дают спать, начинают греметь под её цветущим балконом, как к ней вбегает радостная служанка, приученная в подобных случаях не зажигать свечу. Как девушка лениво приподнимается на кровати, и, не слушая потуги мартовского кота, терзающего струны, горло и amigos, принимается спорить со служанкой. Они пытаются отгадать, кто же пожаловал к ним сегодня. "Но к чему бесплодные споры?" – спрашивает их время. И вот героиня чьего-то сердца, накидывает халатец и выходит на балкон под звёздное небо с единственной целью – узнать кто же кому проспорил...

А теперь представьте, как некий, скажем, Счастливец, решив однажды, – *Basta! Lavo manus!* [я умываю руки! (лат.)] – бесстрашно пошёл дальше остальных (а может быть попросту спятил от тоски, между прочим, с недавней его сердце) и, вместо того, чтобы, мешая влюблённым сверчкам, томить свою музу наскучившими ей серенадами, воспевая красоту, к которой нормальная девушка относится вполне спокойно, вдруг, пусть по секрету, но стал самым желанным гостем всех балконов! Кошунственно и беспощадно он бесстрашным еретиком посягнул, казалось бы, на святое – на других девушек. Он начал высмеивать всех и вся, сравнивая своё сияющее солнце с никчёмной золой. Его хулят, а не выслушивают спокойно, его обливают помоями и кидают в него камни, на него спускают собак по кличке Ненависть и Позор! Но если он достаточно ловок на язык, то каждая служанка, выливающая на него очередное ведро помоев, так или иначе, прогнав незваного гостя, признаётся своей госпоже в ловкости Счастлильца, а та самая, Единственная, в свою очередь прогнав болтливую служанку, не желая ни с кем обсуждать своего несносного поклонника, вновь засыпая, быть может, невольно улыбнётся, вспомнив наглую безжалостную речь в адрес соперниц. А если нет, что ж, тогда прочтите надпись на гербе Счастлильца, которая, опять же кого-то высмеивает: "*Perdiderunt timere defectum*" [неудачники боятся неудач (искаж. лат.)].

—

Dimitte illis, non enim sciunt, quid faciunt
[прости им, ибо не ведают, что творят (лат.)]

Хотя эта история произошла в глубоком будущем, она отнюдь не фантастична. Это случилось в спрятанном среди гор курорте. Местность, в сердце которой будет происходить повествование, обладает удивительными свойствами. Окружив себя молчаливыми стражниками гор, призванными защищать от неумённых ветров, здесь расположилась живописная долина. Вечнозелёные хвойные деревья, раскинутые словно изумруды, украшают собой подножья каменных гигантов и дают приют счастливым представителям животного мира, а также сглаживают переход от безжизненных гор к жемчужине долины – озеру. Некогда забравшаяся на плечи каменных исполинов вода, словно в доказательство своей значительности выбрав места поближе к звёздам, то тут, то там обосновалась в белых палатках ледников, которые теперь то и дело обновляют воды водоёма. Воздух чист и свеж. Эта долина без сомнения излюбленное местечко солнца, ведь оно, заглядывая сюда, то и дело прогоняет набежавшие было облачка, чтобы заблестеть на поверхности озера, засверкать на боку выпрыгнувшей из воды рыбёшки, засиять на смолистых сосновых ветках и согреть расправленные в полётах крылья

птиц. Его сиятельство привносит в долину ощущение праздника и торжества. Немногочисленные люди, живущие тут, давно привыкли к подобному зрелищу и зачастую не замечают его, чего не скажешь о многочисленных приезжих, которые часто сравнивают волшебную местность с бокалом искристого шампанского.

Однажды странствующий богач, господин Биро, открыл для себя эту долину, купил значительный участок земли и построил на берегу озера уютный отель, назвав его "Гортензия". Первыми гостями нового заведения стали бесчисленные друзья и знакомые новоиспечённого хозяина, которые, как водится, впоследствии послужили ему также невольными рекламными агентами. За многие годы отель несколько раз перестраивался, разрастаясь и обзаводясь всё новыми службами, а со временем в долине рядом с ним появился небольшой городок с собственной почтой.

Так получилось, что у господина Биро не было собственных детей, однако однажды стены отеля подарили ему приёмного сына – Жака Люма. Мать Жака принесла сына в "Гортензию" под сердцем. Зайдя в отель, она попросила у клерка самый дешёвый номер. Господин Биро, будучи неустанным работником отеля, работником *numero uno*, стоял тогда в стороне за конторкой, сверяя и без того сверенные бумаги. Он не хуже клерка знал, что номера эконом класса забиты до отказа, но, смерив быстрым наметанным глазом госпожу Люма, опережая клерка, громко и добродушно заявил, что номер N в распоряжении посетительницы. Госпожа Люма благодарно улыбнулась в ответ, а смыслённый клерк догадался на время проживания госты понизить тариф номера. Трое суток госпожа Люма почти не выходила из номера и, как выяснилось позже, ничего не ела, на третью ночь она родила сына, нарекла слабое дитя Жаком и за неимением родственников доверила ребёнка доброте господина Биро.

Таким образом Жак с малых лет работал в "Гортензии". Его приёмный отец никак не выделял мальчугана среди других работников, не отдавал ему предпочтений и не делал поблажек. Несмотря на то, что со временем Жак стал таким универсальным работником "Гортензии", как и сам господин Биро, за ним были закреплены три основных обязанности: он занимался ремонтом, строительством и охотой.

В десять лет Жак заявил господину Биро о своём желании приобрести на скопленное жалование небольшую лодку, чтобы катать постояльцев. Идея мальчика понравилась владельцу отеля, и, вдобавок ко всему прочему, Жак стал лодочником. Простая рыбацкая лодка стала для мальчугана настоящим университетом жизни, ведь ему приходилось возить самых разных людей, возвышенных и утончённых, низменных и порочных, знатных кавалеров и светских дам, королей и иностранцев. Часто он был невольным слушателем самых разнообразных разговоров, часто поддерживал беседы на всевозможные темы. Словно пытливый путешественник он изучал людей и их нравы, не выходя из лодки. Нередко случалось так, что Жак выдавал себя за другого, искусно маскировался, притворялся глухонемым, переодевался в старика, поэтому посетители простодушно верили, что в отеле служат несколько лодочников. Он делал это не для того, чтобы выведать чьи бы то ни было сокровенные тайны, – в первую очередь ему, наравне с господином Биро, хотелось сделать пребывание гостей "Гортензии" идеальным, а для этого нужно было учитывать их нарекания и пожелания, которые зачастую скрывались как самый опасный секрет. "Сегодня коридорный поставил ботинки под самую нашу дверь, утром я чуть не сломал себе шею!", – жаловался мужчина своей жене, не обращая внимания на глухонемого лодочника, – "а мне за завтраком не понравилась утка", – отвечала она мужу. Какие-то замечания учитывались уже на следующий день, какие-то намеренно, чтобы

ответсти подозрения, господин Биро принимал во внимание через некоторое время, но так или иначе удивительная удовлетворённость гостей снискала "Гортензии" небывалую славу.

Прошло пару десятков лет с тех пор, как Жак впервые сел за вёсла, теперь он возмужал и окреп. Молодость сменила беззаботно-счастливую юность, как лето меняет весну, и теперь каждый плеск неумолимых вёсел был переполнен неведомой до сих пор тоской. Впрочем, как истый лодочник, будущую жену Жак твёрдо решил повстречать в своей неизменной вселенной – в лодке. Словно ленивый кот, он расставил когтистые лапы вёсел, словно выжидательный паук, сурово сидел он на своей паутине. Однако будущее, арена нашего рассказа, было не менее сурово для сынов Адама. Времена принцесс канули в лету, каждая девушка печальных времён Жака неумолимо срывала цветы своей красоты (если таковая имелась), безжалостно растаптывая благоухающие бутоны неумолимыми ножками. Девушки сбрасывали свои бровки и рисовали некими составами дуги над глазами, приклеивали пластиковые ресницы поверх своих ресниц, клеили пластмассовые ногти на свои коготки, припаивали чужие мёртвые волосы к своим волосам... Девушки изгалялись над природой, издевались над своей красотой (если таковая имелась), превращая себя в кукол с одинаковой длиной ресниц, с идентичными дугами вымышленных бровей, с одинаково-пластмассовыми ногтями. Они были похожи на ангелов, которые добровольно обрезают свои прекрасные крылья иссохшей и прокажённой дланью моды.

Забавным и одновременно грустным было то, что мужчины времён Жака не находили в себе ни силы, ни отваги, чтобы донести своим музам что-то вроде *omnia licent sed non omnia aedificant* [все вещи являются законными, но не все (лат.)]. Так или иначе, Жак негодовал, его сердце настырно помнило и напоминало о героинях удивительных сказок, привозимых со всего света в "Гортензию", – восхитительных принцессах, – прекрасных своим воспитанием, манерами и лицом; нежных созданиях, естественных и гармоничных как сама природа, образы которых прокрались когда-то в детскую душу.

Жак понимал, что он не в состоянии повлиять на внешний мир и моду, не может повлиять и на то, каких гостей принимать в "Гортензии", а потому однажды придумал вывозить приглянувшихся ему нанимательниц лодки "на чистую воду". Это была довольно грубая задумка, впрочем, подсказанная самой природой. Жак редко прибегал к ней и естественно держал в секрете, доверяемом лишь господину Биро, чтобы тот, в случае чего, не беспокоился отсутствием приёмного сына. Заклучалась же задумка в следующем. Прекрасное озеро, на берегу которого цвела "Гортензия" в течение всего дня наполнялось таящими в горах ледниками, а в нескольких километрах от отеля, переполнявшая озеро вода, выливалась из него небольшим водопадом и продолжала свой вечный путь горной рекой. Водопад был настолько неприметен со стороны, что жители долины долгое время не знали о его существовании, а когда узнали, стали избегать его: рыбы там не водилось, а вытекающая вода могла незаметно затянуть лодку. Так и случилось однажды, когда рыбачивший Жак задремал, не подумав заякорить лодку. Его разбудил шум беспокойной воды, падающей с высоты нескольких метров. Отгребать в сторону было поздно, бросаться из лодки тоже, поэтому Жак присел на корме, приготовившись к прыжку. Оставалось лишь надеяться на то, что ниспадающая вода вырыла достаточно глубокую и широкую яму. В момент падения Жак что было сил отпрыгнул в сторону от лодки, – самым опасным было удариться об неё в водовороте. Вскоре после падения горе-рыбак оказался на поверхности реки. Лодка уцелела, но значительно наполнилась водой; она поджидала неподалёку, задержанная бурлившей в разные стороны зарождавшейся рекой. Алюминиевые вёсла, сдержанные привязью, держались в уключинах, снасти и провизию унесло. Выплыв с

лодкой на берег, Жак бросился отдышаться на камни, чешуёй покрывавшие пляж, и невольно залюбовался водопадом с маленькой радугой, создаваемой многочисленными брызгами.

Вполне оправившись от падения, Жак отыскал неподалёку тропу, ведущую от водопада к озеру, настолько широкую, что протащить по ней лодку не составило большого труда. Таким образом, изведав на собственной шкуре, что падение из озера в реку вполне безопасно, Жак дерзнул показывать водопад некоторым молоденьким пассажиркам. Всё началось с того, что лодка как бы невзначай оказывалась в опасной части озера, затем следовало предложение послушать водопад, далее, неудовлетворённое одной лишь завораживающей мелодией, любопытство спутницы выказывало желание посмотреть, возникла естественная необходимость переправить лодку вдоль водопада от отвесных скал до леса с удобной тропинкой... Словно по нотам разыгрывался спектакль "сражение с природой", где тонны безжалостной воды выступали против наигранно-слабеющего, а в пышных устах "слабого", "жалкого", "ничтожного", "никудашного", "убогого" и проч. лодочника. Огненными стрелами в бесстрастное лицо гребца летели просьбы, мольбы, клятвы, заверения, угрозы и проклятия. Порой он слышал нечто в духе гениальной итальянки: "убей меня, я не хочу больше жить!", этими или похожими словами, спутница, доверившаяся ему, смертельно боялась того, что падение лишит её красоты, сделает её уродливой, поставит точку в ещё не начавшейся карьере счастливой женщины. Порой зрелище было настолько отвратительно и невыносимо, что Жак выгребал из самых критических точек. Конечно попадались и такие девушки, которые не только не вызывали жалости, но, напротив, зарождали в Жаке вечно желанную и вечно проклятую надежду. Именно с такими он и решался на первое совместное испытание, давал им короткие быстрые инструкции и падал с ними в водную бездну. Последствия падения были различными: у одной из девушек отваливалась ресница, у другой смывались брови, у третьей отпадало несколько ногтей, а потому все они зачастую то стыдливо отворачивались от Жака, то закрывали своё лицо, идя ко дну. Вытаскивая на берег очередную пассажирку, лодочник на время забывал свою лодку и укромно любовался почти естественной красотой спутницы, вспоминая давно забытое. Обычно этим путешествие и заканчивалось, спутники возвращались в "Гортензию", практически не разговаривая. Зачастую Жака просили никому не рассказывать о случившемся, брали с него слово, а позже, подойдя к отелю, просили его либо провести через потайной ход, либо незаметно сходить за сумочкой.

В столь редкие волнительные дни подобных приключений Жак и думать не мог о сне, под вечер он вновь отвязывал подсохшую лодку, и, почти не замечая, делал пару сотен хороших гребков, а, оказавшись примерно на середине озера, тихонько опускал якорь и подолгу смотрел на звёзды.

Так как результатом рискованных падений было лишь то, что Жаку едва удавалось бросить пару животно-жадных, по-детски любопытных, алчущих красоты взглядов, – всю дорогу до отеля к нему угрюмо сидели спиной, – последние дни он размышлял над бессмысленностью своей затеи. Он подолгу задумчиво сидел в своей лодке, привязанной к берегу, под окнами "Гортензии". Жак не слышал ни шуршание лёгких волн, ни крики неутомимых птиц, летавших над долиной, он смотрел невидящим взглядом на зеркало озера.

– Какая прекрасная долина! – однажды прозвенел над ним чудесный ручеёк приятного голоса.

Жак поднял усталые глаза со дна озера и неторопливо оглядел долину.

– "Да", – мысленно произнёс он, и, приходя в себя, взглянул в сторону "Гортензии".

Прекрасное создание украшало собой песчаный берег и улыбалось небу.

– "Какая жизнерадостность!", – подумал Жак и сказал уже вслух: "Да, у нас хорошо! Но дождитесь ночи, вы ещё не видели наши звёзды!"

– Как же! Видела! Я полночи простояла на балконе, – девушка на секунду, словно в нерешительности, замолчала. – Однако фонари отеля очень мешали. Мне всё хотелось выйти на улицу и немного отойти в сторону от "Гортензии" так, чтобы никакой свет не заслонял природной красоты звёзд, но я не решилась... К тому же с другого берега пару раз доносился волчий вой! – Она вновь замолчала, но увидев, что лодочник собирается что-то буркнуть в ответ, добавила: "Но всё равно, в городе такого ни за что не увидишь, ведь правда?"

– Пожалуй, – ответил Жак, любуясь девушкой. Лёгкий ветерок небрежно шуршал её длинным платьем, игриво перебирал распущенные каштановые волосы длиной до плеч. Платье настолько гармонично дополняло её стройный образ, привнося утончённую женственность, неуловимую лёгкость, что в голове Жака родилась догадка о том, что, если о некоторых говорят "родился в рубашке", то эта девушка, должно быть, родилась в платье. – Вам необычайно идёт это платье! – неожиданно для себя заявил он, и тонконогое создание чуть строго взглянуло на него. В ответ на открытый взгляд девушки Жак, замывшись, добавил: "вам не следует опасаться волков, близко к отелю они не подойдут, охотники сдерживают их на порядочном расстоянии от нашего городка. Хотя, гулять одной по ночам всё же не стоит."

– Скажите, вы тот самый лодочник, которого всем рекомендует господин Биро?

– Он самый! – заявил Жак, подгребая к берегу.

Так началась первая поездка Марты по озеру близ "Гортензии". Когда лодочник получше разглядел новую пассажирку, он заметил, что и она не смогла избежать пороков, описанных выше: её брови были нарисованы, наклеенные ресницы гротескно длинны, ногти приклеены. Жак чуть содрогнулся в душе, однако виду не подал, и, добродушно, чуть грустно улыбаясь, продолжал грести, а вскоре звонкий, безудержно приятный и необычайно задорный голосок Марты стал настоящим бальзамом для печального сердца лодочника. Когда они, покружив по озеру, наконец причалили к "Гортензии", девушка искренне поблагодарила Жака и приказала ждать её завтра в это же время.

Впрочем, удивляться этому не приходилось, ведь в прекрасной долине господин Биро умышленно устраивал как можно меньше современных развлечений. Помимо катания на лодке, гости его отеля имели возможность прогуливаться по лесу вдоль ухоженного берега, любуясь прятавшимся за деревьями искристым озером на фоне величавых гор. Одни постояльцы любили охотиться и рыбачить, другие невысоко забираться в горы, третьи посещать горячие источники, в достаточном количестве разбросанные по долине. Зимой значительная часть озера покрывалась льдом, и гости "Гортензии" с удовольствием катались на коньках и лыжах. Коньки и лыжи, к слову сказать, были самодельные. Не то чтобы господин Биро безудержно экономил на всём, он был склонен к этому: жил в небольшой каморке на первом этаже, довольный соседством комнат всех прочих работников отеля, одевался просто и однообразно. Как и все служащие, он круглый год ходил в белой рубашке повязанной галстуком тёмно-серого цвета, в костюме-тройке (такой же практичной расцветки) и в черных начищен-

ных ботинках. На левом лацкане таких пиджаков горделиво цвели вышитые фиолетовые гортензии. Одному Жаку, в известных целях, было позволено переодеваться, в свободное же от уловок время, лодочник носил какую-нибудь плотную цветную рубаху, вечный жилет из белой волчьей шкуры, серые просторные штаны из парусины и лёгкие башмаки мягкой коричневой кожи, небо послало ему одну из способностей Сократа – он не боялся холода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.